

Сеансы гипнолиза для чиновника сыска

Грозное предуведомление!

Милейшие читательницы и почтенные читатели!

Не торопитесь переворачивать эту страницу.

Позвольте предупредить вас...

...Некоторое время назад явилась книга «Машина страха» вашего покорного слуги.

Если вам повезло уже прочесть ее, смело переворачивайте страницу!

А если нет?

Пожалуйста, чуть-чуть задержитесь здесь.

События, которые разворачиваются в нынешней книге, происходят сразу после окончания тех, что случились в «Машине страха». Однако не спешите с разочарованием. Даю вам честное и благородное слово, что, прочитав нынешнюю книгу, вы с не меньшим интересом возьметесь за «Машину страха». Будто сразу начали трилогию с нее. В нынешней книге вы не найдете ни одной подсказки о том, что происходит в «Машине страха» на самом деле. Некоторые герои будут вам знакомы, но и только... Хотя знакомы ли?..

Нынешняя книга – вторая в трилогии, которая так и называется: «Машина страха».

Что же такое машина страха, или по-латыни *machina terroris*? Объяснений в Википедии вы не найдете. И ни в одном словаре тоже. Потому что это изобретение одного из героев трилогии, медиума и спирита Ионы Денисовича Иртемьева. Аппарат, который концентрирует неведомые спиритические силы и позволяет... управлять человеческими эмоциями. И не только эмоциями. Прибор предположительно даст возможность влиять на сознание множества людей... Какие перспективы открываются!

Что известно читателям первой книги, а вам полезно узнать?

Явившись в мир, изобретение Иртемьева понадобилось многим. За ним идет настоящая охота. Многие персонажи погибли.

А Ванзаров... У Ванзарова с машиной страха непростые отношения... Вскоре узнаете почему.

И еще. Будьте осторожны: эта книга обладает тайным воздействием. Не заметите, как окажетесь под гипнозом... Да-да...

Будьте бдительны, дамы и господа!

*Искренне вашъ,
Антон ЧИЖ*

27 октября — 1 ноября 1898 года

Бесконтрольное гипнотизирование в связи с явлениями внушения служит нередко источником распространения ложных сведений в обществе, и, наконец, эти с виду невинные салонные развлечения, указывая на действительную неотразимость внушения и подхватываемые печатью, пропагандируют в обществе и народе одно из простейших и притом могучих, по-видимому, средств к пробуждению и укреплению в людях различных темных и преступных влечений, к совершению грабежей, насилий и даже убийств.

*Академик, профессор, князь Тарханов И.Р.
Внушение, гипнотизм и чтение мыслей.
СПб., 1895 г.*

28 октября 1898 года¹

• 1 •

ДОМ НА ТАВРИЧЕСКОЙ УЛИЦЕ

...и казалось ему, что к горлу приставили наточенное лезвие. С утра пораньше Эраст Сергеевич тщательно выбрился, надушился и причесался у своего парикмахера. Но сейчас бритву сжимала чужая рука. Одно неверное слово — побреет так, что костей не соберешь. Пустит кровушку, не глядя на чины и заслуги. Оглянуться не успеешь, как вылетишь в отставку.

Надо заметить, что директор департамента полиции этим утром малость трусил. В чем никогда не сознался бы. Беспокойство началось вчерашним вечером, не давало уснуть ночь напролет.

Все началось с того, что нарочный в форме жандармского ротмистра доставил Эрасту Сергеевичу Зволянскому письмо. В нем было приглашение на дружескую беседу в домашней обстановке. В последних строках письма имелась шутливая просьба сохранить встречу в строгой конфиденциальности. То есть не сообщать секретарям, где будет находиться директор департамента с девяти утра и до тех пор, «пока потребуется».

¹ Все даты даны по старому стилю.

Приглашавший не числился другом Эраста Сергеевича, с которым можно душевно пообедать в ресторане, болтая о пустяках и актрисках, хотя о такой дружбе любой чиновник мог только мечтать. Он занимал должность одного из трех товарищей¹ министра внутренних дел, курируя политическую полицию империи во всех видах, не исключая и обычную полицию, которая обязана ловить не столько уголовных преступников, сколько врагов государства, когда объявится очередной враг. Власть этого человека в скромном цивильном костюме распространялась куда дальше его домашнего кабинета, где Эраст Сергеевич ощущал себя мошкой.

Зволянский предвидел, что после событий истекших дней такой разговор неизбежен, и готовился к нему заранее. Когда же пробил час, нервишки разошлись. Не удержал их в узде господин директор. И сейчас ерзал на краешке гостевого кресла.

— Таким образом, делаем вывод: происшествия в гостинице «Виктория» и в доме на Гороховой очевидных причин не имеют, — ласково сказал хозяин кабинета, к которому велено было обращаться запросто, без титулов чинов, то есть Александр Ильич. — Расскажи, Эраст Сергеевич, что удалось установить по Литовскому замку...

Докладную папку Зволянский держал на коленях, что было чрезвычайно неудобно. Сжатые, как у барышни, колени затекли, ему хотелось закинуть ногу на ногу, но такой вольности позволить было невозможно. Он перевернул лист предыдущего доклада, чтобы зачитать следующий.

— Дознание провел начальник исправительного арестантского отделения², коллежский советник Матеев-

¹ Заместитель министра.

² В городском обиходе — Литовский замок.

ский Никтополион Александрович, о чем и составлена настоящая записка, — проговорил он, показывая и служебное рвение, и непричастность к докладу, если выводы сочтут бестолковыми.

— Уволь от канцелярии, — сказал Александр Ильич, наблюдая за ерзаньем Зволянского на кресле. — Возьми главное, только факты...

Эраст Сергеевич вновь ощутил касание бритвы. Проверяют: ознакомился ли подробно, вник ли в содержание или пробежал по верхам. Не зря выучил докладную записку чуть не наизусть, как прилежный гимназист зубрит спряжения латинских глаголов. Прикрыв папку, чтобы Александр Ильич убедился в его рвении, Зволянский пересказал много раз читанный им текст.

Господин Матеевский докладывал следующее:

27 октября сего года в 6 утра смотритель женского отделения госпожа Рот заступила на дежурство, как полагается. Провела побудку арестованных женщин и осмотр камер. Около восьми утра Рот забрала связку ключей в дежурной комнате и направилась к одиночной камере, в которой содержалась арестованная. Открыв замок, Рот вошла в камеру. Арестованная сидела на койке. Без каких-либо побуждающих действий со стороны арестованной, то есть попытки к побегу, Рот вынула револьвер и сделала четыре выстрела с близкого расстояния. Три пули попали арестованной в грудь, четвертая вошла в лицо. После чего Рот опустила револьвер, громко сказала «осмотр закончен» и удалилась, оставив дверь камеры распахнутой. На звуки выстрелов прибежал надзиратель мужского отделения Парамонов, который увидел арестованную, лежащую в крови. Он и поднял тревогу.

Вызванный тюремный доктор Юркевич констатировал смерть арестованной. О происшествии сразу было

доложено начальнику тюрьмы. Господин Матеевский в сопровождении вооруженных стражников направился в дежурное помещение. Рот пила чай, была весела и спокойна. На вопрос о том, что она натворила, Рот выразила искреннее непонимание, доложив, что во вверенном ей женском отделении должный порядок. Чай позволила себе, пользуясь свободной минуткой. На прямой вопрос, на каком основании она расстреляла арестованную, Рот ответить не смогла. Более того, заявила, что ни в кого не стреляла. Господин Матеевский потребовал сдать оружие и пройти освидетельствование доктором Юркевичем. Рот вынула из ящика стола револьвер, приставила к виску и произвела выстрел. Пуля пробила ей голову. Помочь было невозможно. Причиной подобного поведения доктор Юркевич назвал внезапное помутнение рассудка на почве истерии, которая случается у женщин при наступлении определенного возраста или при различных обстоятельствах семейной жизни.

Закончив, Зволянский ожидал, какое впечатление произвела история. С виду Александр Ильич казался невозмутим.

— Смотрительницам женских отделений не полагается иметь оружие, — сказал он.

Эраст Сергеевич полностью согласился.

— Пронесла с собой. Никому не придет в голову досматривать смотрительницу.

— Эта... Рот, — Александр Ильич произнес немного брезгливо, — была знакома с убитой?

— Никак нет... До того как... известная вам особа была помещена в камеру Литовского замка, никаких общих связей. Ни мужчин, ни подруг. Посторонние люди из разных слоев общества...

— Тогда в чем причина такого поступка? Женщина может застрелить другую женщину в порыве ревности... Зволянский покачал головой.

— Любовный мотив полностью исключен.

— Иными словами, надо поверить, что у смотрительницы случилась внезапная истерия...

В голосе Александра Ильича мелькнули нотки, не предвещавшие ничего хорошего. Опасное лезвие взмахнуло у горла. Пора было выпускать козырь, припрятанный в рукаве.

— Записка господина Матеевского вызвала сомнения. Я счел нужным провести дополнительное расследование, — сказал Зволянский, сложив ладони на докладной папке.

— Очень хорошо, Эраст Сергеевич, ближе к делу...

— Мы допросили надзирателей и стражников, чтобы выяснить обстоятельства, которые не попали в записку. Установлены сведения, что мадам Рот около половины седьмого утра провела в женское отделение постороннего... Имеется свидетель...

— Только один свидетель?

— Так точно, стражник Фоменко... Остальные стражники не подтверждают его показания. Да и Фоменко, можно сказать, заметил мельком из караульной.

— Что за история? Один видит — остальные нет. Почему никому не пришло в голову остановить чужака?

— Двое стражников караула уверяют, что никакого посетителя не было. Более того, Фоменко не смог достоверно описать неизвестного, не помнит, мужчина или женщина.

— И ничего более?

— К великому сожалению, — сказал Зволянский так, чтобы было ясно: сделали все, что в человеческих силах,

и даже капельку больше. — Фоменко показывает: видел, как смутная тень мелькнула. У него не возникло мысли остановить или спросить, кто такой.

— Быть может, кто-то из тюремного ведомства или адвокат, часто посещающий тюрьму?

— Адвокаты так рано не приходят, а при посещении оставляют роспись в книге посетителей. Первая запись от девяти утра, — скромно заметил Эраст Сергеевич, показывая, что и этот факт был проверен. — Чиновник тюремного ведомства не водит дружбы с подчиненными. Тем более со смотрительницами женских отделений...

С этим Александр Ильич был согласен, на службу в тюрьму шли дамы, прямо сказать, на редкого любителя. Или особого ценителя. Уж как посмотреть.

— А этому стражнику, случаем, не привиделось с пьяных глаз? — спросил он.

— Отличается трезвым поведением и образцово несет службу...

— В таком случае, кто это был?

— На этот счет есть предположение...

— Эраст Сергеевич, не скромничай...

Это звучало поощрением. Призрак бритвы растаял до поры до времени.

— Не хочу будить ненужные опасения, но, возможно, оправдывается худшее...

Прозвучавшее было понятно обоим. Александр Ильич выдержал паузу, чтобы обдумать то, к чему и сам склонялся.

— Полагаете, изобретение Иртемьева все-таки попало в нечистые руки и этот случай — результат действия аппарата?

— Предположение, которое разумно объясняет поступок мадам Рот. В женскую истерию, тем более внезапную, простите, не верю...

— Не слишком хорошая новость, не находите? — спросил Александр Ильич, не ожидая согласия. — Если джинн в самом деле выпущен из бутылки, последствия могут быть...

Он не договорил. Ему и директору Департамента полиции последствия были очевидны во всей ужасной красоте. Стоит сложить расстрел в Литовском замке, происшествия в гостинице «Виктория», в доходном доме на Гороховой — и революционные бомбисты покажутся шаловливыми малышами.

— Если тщательно проанализировать ситуацию, — продолжил Зволянский фразой, которая редко попадалась ему на язык, — велик шанс, что *machina terroris*¹ Иртемьева еще не найдена.

— Почему так решили?

— В противном случае произошедшие смерти не имеют смысла.

Александр Ильич отнесся с недоверием.

— Как же объяснишь?

— Некто желает заполучить аппарат, но не знает, где тот находится. Он прилагает усилия для розыска, по своему допрашивая свидетелей. Полагаю, гость Литовского замка заставил смотрительницу отвести его в камеру к арестованной, чтобы задать той вопросы. А потом тщательно замел за собой следы...

— Ты противоречишь сам себе. Каким образом этот субъект принудил Рот уничтожить арестованную, а потом и себя, если у него не было аппарата?

— Ответ может находиться вне границ привычных доказательств...

— Говори напрямик, Эраст Сергеевич.

Зволянский собрался с духом и сказал:

¹ *Machina terroris* — машина страха (лат.).

– Животный магнетизм. Или гипнотизм. Или нечто в этом роде, не признаваемое современной наукой.

– Твои личные выводы? – спросил Александр Ильич, глядя прямо в глаза директору департамента.

– Так точно, – ответил Зволянский, не считая нужным упоминать автора этого вывода. Главное ведь не придумать, а вовремя доложить начальству. Тем более он знал, кому предлагает сумасбродную идею, за которую в другом кабинете получил бы нагоняй, – Александр Ильич чрезвычайно интересовался спиритизмом и всем непознанным. С точки зрения практической пользы для полиции, так сказать.

– Разумно, Эраст Сергеевич, очень разумно. Что намерен делать?

– Направить Ванзарова, – последовал очевидный ответ.

– Он был довольно полезен...

– И будет продолжать розыски.

– Не слишком рискованно делать ставку на одного, даже самого толкового чиновника сыска?

– Если будет угодно, бросим на розыски все сорок два участка полиции Петербурга в полном составе. Только бывают задачи, которые не решить количеством приставов и городских.

Александр Ильич одобрительно кивнул.

– Эраст Сергеевич, тот, кто заморочил голову смотрительнице в Литовском замке, должен быть найден. Любой ценой.

– Так точно, будет сделано.

– Наверняка к остальным происшествиям он имеет непосредственное отношение.

– Вне всяких сомнений. Считаю, как только отыщем его – найдем и *machina terroris*. Впрочем, верно и обратное.